

МЕТАМОРФОЗЫ НИКОЛАЯ БРУСИЛОВА

Писатель Брусилов почти неизвестен не только книголюбам, но и историкам русской литературы. Он лишь мельком упомянут в нескольких современных исследованиях и одном-двух учебниках. Не упомянуто имя Брусилова и во многих справочно-библиографических указателях. В конце прошлого и начале нынешнего века были напечатаны четыре небольшие обзорные статьи¹ о писателе и издаваемом им журнале. Но они не дают хотя бы приблизительного представления о его литературной деятельности, содержат неточности и ошибки. И это не удивительно. Подробных сведений о жизненном и творческом пути Брусилова не сохранилось, книги его стали редкостью еще в первой половине XIX в., а метаморфозы в жизни писателя были столь неожиданны и трудно объяснимы, что исследователи предпочитали их не касаться.

Между тем литературное наследие Брусилова представляет несомненный интерес, а его «Журнал российской словесности» был незаурядным явлением в русской периодике 1800-х гг. Перечитывая сочинения писателя, можно обнаружить много материалов, интересных для библиофилов. Именно с этой точки зрения я и хочу рассказать о его писательской работе, журнале и книгах.

¹ В. Ф. Боцяновский. Предисловие к «Воспоминаниям Н. П. Брусилова». — «Исторический вестник», 1893, № 4, с. 37—46; его же: Брусилов Николай Петрович. — В кн.: С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI, Спб., 1904, с. 77—88; Г. А. Максимов. «Журнал российской словесности» 1805 года, издаваемый Николаем Брусиловым. — «Литературный вестник», 1904, т. VIII, с. 185—202; Вл. Греков. Брусилов Николай Петрович. — «Русский биографический словарь». Том «Бетанкур-Бякстер», Спб., 1908, с. 385—387.

Род орловских дворян Брусиловых известен с XVII в., они несли «службу в разных чинах и жалованы были в 1676 и других годах поместьями»². Николай Петрович Брусилов родился 19 сентября 1782 г. в Орловской губернии, в поместье отца³. Он писал в «Воспоминаниях»: «Я помню себя с трех лет. Воспитывался я у бабушки, которая, как все бабушки вообще, любила меня без памяти и баловала напропалую. Я был упрям и до крайности застенчив. Много стоило трудов втолкнуть меня в гостиную, если кто-нибудь был там посторонний, а особливо дамы: я боялся их как огня. Эти милые качества и до седины меня не оставили»⁴. С детства мальчик овладел французским языком. Одновременно занялись и его обучением: «По шестому году посадили меня за букварь и часовник. В нынешнем веке смешно такое образование, но такое начало не совсем худо. Оно с юных ногтей знакомит с родным языком» (с. 47).

Мальчик было потянулся к книгам, но не успел посмотреть и нескольких — на восьмом году его отправили через Москву в Петербург и благодаря оказанной протекции отдали в Пажеский корпус. Вот как описывает Брусилов течение занятий: «В половине восьмого часа утра звонок сзывал нас в классы. Их было четыре: в первом учили русской грамоте и начальным правилам арифметики; во втором — греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам, грамматике, древней и новой истории, географии и арифметике и алгебре; в третьем продолжались те же предметы, и, сверх того, преподавали геометрию, минералогию, учили фехтованию; в четвертом классе — высшие науки и фортификацию. Танцевальный и рисовальный классы были общие. Верховой езде обучали в придворном манеже» (с. 50).

На первый взгляд, образование давалось основательное. Но на самом деле учили очень небрежно, бессистем-

² Александр Бобринский. Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Российской империи. Ч. II, Спб., 1890, с. 311.

³ См.: П. П. Александров. Словарь орловских уроженцев. — «Орловский вестник», 1894, №№ 38, 46. То же в кн.: Орел. Материалы для описания Орловской губернии. Издание П. Александрова. Рига, 1903, с. 69, 70. В заметку о Брусилове вкратились ошибки.

⁴ «Воспоминания Н. П. Брусилова». — «Исторический вестник», 1893, № 4, с. 46, 47. Далее при цитировании «Воспоминаний» ссылки на страницы даются в тексте статьи.

но, в классах не было порядка. Брусилов страдал от свойственной ему застенчивости, продолжал с увлечением заниматься изучением французского языка и впервые проявил склонность к литературным занятиям: «С самого малолетства вселилась в меня страсть к авторству. В корпусе начал я издавать рукописную газету, в которой осмеивал, как умел, своих товарищей. Благоразумный Клостерман, инспектор классов, запретил мне эту шалость» (с. 49).

Но необходимость отказаться от сочинения и распространения сатирических опытов не удручила пажа. С 1793 г. Брусилов начал дежурить во дворце, стал свидетелем придворной жизни, с любопытством следил за иногда удивительными для него поступками окружающих людей. Громадное впечатление произвел на него А. В. Суворов. В мальчике все больше развивался интерес к военной службе, к военным наукам. Начало правления Павла I прервало учебные годы будущего писателя. По указанию императора он вместе с товарищами был выпущен поручиком в армию и направлен в Московский гренадерский полк⁵. Брусилов был чрезвычайно доволен своей участью: «Я был страстен к военной службе и хороший фронтовик. На 15-м году командовал я ротой по фронтовой части. Быть на ученье для меня было лучшим занятием, я готов был учить солдат с утра до вечера. Боже мой, какая радость была, когда я в первый раз пошел за капитана в главный караул. Я воображал себя не менее, как главнокомандующим» (с. 63).

Казалось, судьба юноши определена: успешная военная карьера, увлеченное занятие любимым делом. Но случай решил по-иному. Спустя два года юный поручик по неопытности и несдержанности принял чересчур горячее участие в событиях, связанных с ложной тревогой в полках⁶. Проступок был незначителен и оставлен начальством без последствий. Но воинским подвигам Брусилова пришел конец: «Опасаясь новых проказ, которые, может быть, не так бы легко сошли с рук, батюшка взял меня в отставку и определил по гражданской службе

⁵ См.: Г. А. Милорадович. Материалы для истории Пажеского е. и. в. корпуса 1711—1875. Киев, 1876, с. 141; О. Р. фон Фрейман. Пажи за 183 года. Вып. I, Фридрихсгамн, 1894, с. 86.

⁶ См.: «Воспоминания Н. П. Брусилова», с. 63, 64.

(...)» (с. 64). Николай Петрович вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. Он так и не смог преодолеть застенчивости, которая иной раз толковалась не в его пользу: «Когда я занимал впоследствии довольно важные должности, многие поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, как застенчивость. Я иногда не кланялся, не отвечал точно по застенчивости» (с. 48).

Служба не обременяла Брусилова, он продолжил образование и все свободное время отдавал чтению. Однако от склонности к ратному делу он избавился не сразу: «(...) военный жар во мне не простыл. Открылась славная кампания 1799 года. Я следил шаг за шагом за всеми движениями войск, горячо вступался, если кто осмеливался критиковать действия русской армии, и однажды чуть не подрался с m-r Delphast, моим французским учителем» (с. 64).

До той поры Николай Петрович, казалось, навсегда забыл о своих ранних попытках сочинительства. Но вот произошло первое превращение: «Война кончилась, и военный жар мой начал простывать; но другая страсть, в тысячу раз губительнее, родилась во мне: страсть к бумагомаранию» (с. 64).

Брусилов увлечен чтением Вольтера, французских энциклопедистов, Руссо, русских поэтов XVIII в. и с особенным вниманием перелистывает журналы Н. И. Новикова, М. Д. Чулкова, Н. И. Страхова, альманахи Н. М. Карамзина. Его привлекает сатирическая направленность русской периодики, просветительские идеи, звучащие на ее страницах. Интересует его также творчество французского писателя Мерсье. Переводы из его книг печатались в «Новых ежемесячных сочинениях», выходил такой журнал в 1786—1796 гг., а в «Утренних часах» (1788—1789) — отрывки и целиком его знаменитые произведения «2440», «Спальный колпак», «Картины Парижа». И Николай Петрович решает сделать своим литературным дебютом издание перевода комедии Мерсье «Гваделупский житель». Книга вышла в Петербурге в 1800 г. с посвящением В. Ф. Рязановой. Переводит он и Вольтера, ставшего одним из любимых его писателей и философов. Брусилов спешит, точно старается наверстать упущенное время, хотя ему всего девятнадцатый год. К 1803 г. он подготавливает и издает четыре книги.

Первой вышла за подписью «Н. Б.» книжка «Безделки, или Некоторые сочинения». На титульном листе стоял эпиграф на французском языке: «Какое вам до этого дело? Каждый дурачится по своему», и указывалось, что данная работа — часть первая. Далее следовало замечание автора: «Если первый труд молодого человека, издающего сии *Безделки*, будет благосклонно принят почтенною публикою, то в непродолжительном времени выйдет и вторая часть оных».

Интересно для нас «Не Предисловие, а почти то же», в котором в юмористической форме говорится о сомнениях начинающего писателя и о трюизмах современной литературы:

«— Кто раз сказал, что он Автор, тот должен писать, — говорит мое *Самолюбие*. — Как? дурно ли? хорошо ли? — спросил *Рассудок*. — Бедный автор! — кричит *Ветренность*, — возьми перо, я стану тебе диктовать:

В один из тех скучных, длинных зимних вечеров, в которые люди прячут нос в теплый мех и все ученые и неученые бросаются в литературу и читают от скуки, кто Арабские сказки, кто Мираманда, кто Гомера; в те вечера, когда провинциалы ищутся в головах, а франты прыгают на балах, купцы обсасывают в бородах сосульки, а мужики утирают нос полою, Клеант, молодой человек, молодой философ, сидел погружен в задумчивости у истухающего камина и думал — ни о чем!

.....— Как можно, — сказал *Здравый Смысл*.....

.....— Вон! — закричала *Ветренность*. — Если бы все авторы тебя слушались, так бы и половины книг не было в печати! — *Здравый смысл* махнул рукою и пошел вон, *Рассудок* хлопнул дверью, *Самолюбие* заперло мой кабинет, взяло перо и начало продолжать под диктатуру *Ветренности* следующее:

— О люди! о человек! странное творение! — говорил Клеант, — тридцать лет рассматриваю я тебя, понял всю натуру, тебя понять не могу! Вместе горд и подл, гнусен и великодушен, щедр и скуп. О человек! Странное смешение добра и зла, с какою целию создан ты на свет? Лишь родишься — стонаешь! Вместе с возрастом — прибавляются в тебе пороки. А там, там страшное честолюбие, овладев тобою, влечет стремительно чрез почести и

славу и ввергает в пропасть! Иллюзия, мечта! Се твои спутники!

— О, какое скучное начало! — закричал я с сердцем, — вон все!..... и запершись один, клялся, что не буду вперед браться за перо. Что за охота сочинять, думал я, что за охота писать, ежели уверен, что пишешь дурно. Не успеют напечатать книги твоей, как критика... О боже! Кровь стынет в жилах при сем страшном слове. Бедные Авторы!!!

Лишь только успел я сказать сии слова, как вдруг свирепое *Нравоучение* громким голосом закричало мне: „Пиши! и если люди будут критиковать твой дурной слог, так дети, прочитав сказанное мною, будут тебе благодарны!“ (с. I—IV).

«Безделки» включали «Разговор Сократа с Петиметром нынешнего века в Царстве Мёртвых» — сатиру на современные нравы, представленную как перевод с арабского, «восточную» повесть «Азем», «полусправедливый анекдот» «Неблагодарность» и отрывок «Где счастье?». Пятьдесят семь страниц маленькой книжечки в тридцать вторую долю листа показали, что появился талантливый публицист, мастер эссе, сатирик, следующий путём, проторённым русскими просветителями.

На выход в свет «Безделок» сразу откликнулся, и довольно пренебрежительно, журнал «Московский Меркурий» (1803, ч. II, кн. 4), в частности заметив: «Главное, или лучше сказать, единственное достоинство сей маленькой книжки состоит в краткости её» (с. 41).

Брусилов с самого начала литературной деятельности настроенно и отрицательно относился к современной критике. Он считал отзывы, появляющиеся в журналах и газетах, большей частью случайными, субъективными, лишёнными ясного понимания задач, стоящих перед литературой, и начал бой за действительную и объективную критику. Выходит вторая его книга «Старец, или Превратности судьбы», и в дополнение к ней помещено «Возражение на критику *Безделок*, помещенную в „Московском Меркурии“», где говорится: «Не самолюбие заставляет меня писать сии строки; но долгом поставляю отвечать на критику, сделанную на мои *Безделки*».

Всеми единогласно признано, да и бесполезно бы было отвергать пользу критики. Конечно, нужно суди-

лице для авторов! тем более, что критика не что иное есть, как беспристрастное рассмотрение сочинения. (...)

Неужели критика заключается в том только, чтобы выставлять слабую сторону сочинения? И зачем не отдавать справедливости местам, заслуживающим некоторое внимание? (...)

Истинная критика не в том заключается, чтобы по начальным строкам судить о сочинении; но критик должен прочесть книгу, показать как погрешности, так и достоинства оной и говорить об оных не слегка, но так, чтобы рецензия его служила молодым авторам уроком, могущим образовать их вкус и способности (с. 65—68).

«Старец» — философская повесть, развивающая идеи нравственного совершенствования человека, его обязанностей перед обществом. Следующая книга — «Бедный Леандр, или Автор без риторики» — посвящена теме становления молодого человека, выбирающего жизненный путь.

Перед нами опять сатира на современное общество, на методы воспитания. На первый план выдвигаются проблемы писательской деятельности:

«Дух авторский, как чума, кто раз им заразился, тому трудно вылечиться! Он не давал Леандру покою ни днем, ни ночью. Днем Леандр беспрестанно сочинял в голове планы поэм, од, романов, а во сне видал, что творения его в нескольких томах, напечатанные дидотовою печатью, в сафьяновом переплётё, с золотым обрезом, сделались предметом общего удивления, и что все учёные и литераторы за славу поставляют быть с ним знакомы. (...)

Обращаюсь к Леандровой истории: в таких обстоятельствах купил он десь хорошей бумаги, чернильницу, перьев и сел — сочинять.

Многие авторы, думал Леандр, сначала ещё предпишут, на скольких страницах написать сочинение; а поэт за две недели скажет, сколько строк будет в его оде. К чему это? На что связывать свое воображение? На что его заключать без нужды в границы? Возьму перо и стану писать... Но когда же кончить? Когда устану? Нет, это дурно! Покуда пера станет? Нет! и это нехорошо, да и не ново! Автор нового путешествия по комнате это сказал прежде меня, а у авторов устав таков, кто что сказал,

другой не смей уж говорить! Стану же писать покуда мне захочется! Это по крайней мере ново!

С таким расположением сел он и написал небольшое сочинение, в котором с жестокостью напал на пороки, бранил их, думал тем понравиться хотя филозофам. Зная, что пишет в том веке, в котором все, и старой и малой, чуть мыслить умеющий, хочет быть филозофом! Недоставало в книге Леандровой чего-то, которое обыкновенно в книгах бывает, то есть: *предисловия*. Он очинил новое перо, сел и без помарки написал *предисловие*. Леандру хотелось похвастаться этим перед светом.

— Господа критики! — говорил он в конце своего сочинения, — я предисловие написал без помарки, конечно, оно неважно, но для автора, вступающего в поле литературы, написать предисловие без помарки, воля ваша, господа критики, а это много! — Ну, думал Леандр, теперь и я Автор! и я Сочинитель! и я буду стоять на ряду с Ломоносовым и Вольтером.

Мысль сия прибавила в нем гордости и подняла нос его на вершок вверх.

Между тем деревенские его деньги происходили. Книгу его против чаяния худо раскупали. Заглавие её было непышно, сама она была невелика; а сколько людей судят по заглавию и по величине книги! Леандр не знал похвального сего обычая. Беда его в том состояла, что он наврал на шестидесяти страницах, а не на шестистах!... Книгопродавцы называли произведения литературы, произведения толиких умов товаром!..» (с. 14—19).

Интересна глава VIII книги, посвящённая разговору о литературе. В ней «человек в тёмном кафтане» ведёт беседу с «человеком большого тона» о Вольтере, Руссо.

В 1803 г. вышла также книга «Мое путешествие, или Приключения одного дня». Она написана под влиянием «Путешествия вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра, «Путешествия моего двоюродного брата в карманы» и других пародий на «сентиментальные путешествия», наводившие в конце XVIII в. западноевропейскую и русскую литературу в подражание произведениям Стерна.

Книга in 32° в ярко-оранжевой обложке с цитатами из произведения на передней и задней крышках состояла из двадцати глав, на 162 страницах которой автор бродит по улицам, предаваясь размышлениям о человеческой

СТАРЕЦЪ

или
ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ
ПОВѢСТЬ
сочиненія
Николая Брусилова.

Съ приобщеніемъ возраженія на
Критику Вездѣлодъ, помѣщенную
въ Московскомъ Меркуріѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегіи 1803.

*Титульный лист книги
«Старецъ, или Превратность
судьбы» (1803)*

МОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

или
ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОГО ДНЯ.
сочиненіе
Николая Брусилова.

Однимъ только мирнымъ, сердечнымъ удовольствіемъ, дѣлать для насъ жизнь пришлою!

Глава XVI. стр. 141.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Императорской Типографіи,
1803 года.

*Титульный лист книги
«Мое путешествие, или
Приключения одного дня» (1803)*

жизни. Для нас любопытен один эпизод из «Моего путешествія». Рассказчик проголодался, зашёл к ресторатору, сел за маленький столик и спросил обедать. Он знакомится с уже известным нам «человеком в чёрном кафтане», беседует с ним:

«Я продолжал читать газеты. Глубокое познание человека в тёмном кафтане так меня поразило, что я обо всем к нему относился.

— Что думаете вы, — спросил я его, — о новых колясках, изобретённых в Англии, на которых можно ездить без лошадей?..

— О! — сказал мой учёный, — это вещь невозможная.

— Почему это?

— Я много в жизни путешествовал, — отвечал он, — и опытом удостоверился, что ездить без лошадей на земле почти так же невозможно, как быть сыту не евши.

— О! это убедительное доказательство» (с. 48, 49).

Разговор продолжается, и собеседники начинают обсуждать возможность совершить путешествие вместе. Человек в чёрном кафтане уверяет, что он побывал всюду.

«— А на Луне? — спросил я, улыбнувшись.

— На Луне? О! я уверен, что если выдумка Монгольфьера усовершенствуется, то люди будут ездить по планетам!

— Да,— отвечал я,— если найдут способ управлять шаром так же, как управляют кораблем, и научатся жить без воздуха!» (с. 57).

Автор задумался:

«(...) кто может отвечать, что воздушные шары не послужат к дальнейшим открытиям? — еще век — может быть, что *сообщение с другими планетами* (которое кажется очевидно невозможным) *возможно будет!*

Боже мой, какое будет удивление первого человека, который так или иным способом достигнет ближайшей планеты! Какое будет удивление обитателей оной! Он увидит совсем другой мир, других тварей, все другое, даже до самой Природы! Какое поприще для обширного человеческого ума! Сколько откроется новых познаний! Если открытие Америки преобразило политическое положение всей Европы, какие же перемены сделает в вещественном и нравственном мире открытие новых миров! Может быть, обитатели других планет гораздо просвещеннее нас, умнее нас, может быть наши Невтоны, Локки, Лейбницы будут учениками пред Невтонами, Локками и Лейбницами Марса или Урания? Как бы я хотел жить пятьсот лет спустя, сколько тогда того, что теперь кажется непроницаемой загадкой, объяснится» (с. 62, 63).

Как актуально звучат теперь эти слова. Николай Брусиллов был одним из зачинателей русской научной фантастики.

В «Приключениях одного дня» продолжается разговор о судьбе писателя: «В такой тьме произведений нашего века мудрено быть замечену — счастлив Автор нашего покрою, если найдет двух-трех читателей, которые простят погрешностям, извинят слабостям и отдадут справедливость некоторым мыслям» (с. 14).

Брусиллов подготовил ещё одну книгу, содержавшую наброски, записки, переводы из Даламбера, Мерсье. Она

была напечатана в 1805 г. в Москве, в «Привилегированной типографии Княжева и Мея» без имени автора. Только под предисловием стояла подпись «Н. Б.». Больше ни одной работы данного жанра из-под пера писателя не выходило.

Время и обстоятельства привели к новому превращению — Николай Брусилов стал журналистом, издателем ежемесячника.

Чтение Карамзина, его журнала «Вестник Европы», стремление к социальным переменам, связанное с началом правления Александра I, пробуждало у Брусилова глубокое желание приступить к журналистской работе. В 1801 г. в Петербурге было создано Дружеское общество любителей изящного, затем преобразованное в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств и утверждённое в 1803 г. В него вошли молодые писатели, поэты, учёные, оно стало центром передовой мысли в России того времени, настроенным против тирании, крепостничества, выступающим за свободу мысли.

«В первые годы работы общества в нем царил настоящий культ Радищева, связанный с усвоением освободительных идей великого русского революционера, хотя, конечно, политические воззрения «радищевцев» были гораздо менее последовательными и левыми, чем взгляды их учителя»⁷.

Брусилов сблизился с активными членами Общества — И. П. Пниным, А. Е. Измайловым, Н. Ф. Остолоповым — и, полностью разделяя их взгляды, в 1804 г. стал членом Вольного общества⁸.

Он активно участвует в собраниях, содействует расширению дружеского союза. «В собрании 22-го апреля 1805 года член Брусилов читал сочинение К. Н. Батюшкова „Сатира, подражание французскому“ и объявил о желании автора поступить в число членов Общества»⁹.

⁷ Н. В. Фридман. Батюшков и поэты-радищевцы. — «Доклады и сообщения филологического факультета (МГУ)». 1948, вып. 7, с. 42.

⁸ См.: Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Изд. 2-е. М., 1953, с. 255.

⁹ Е. Петухов. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, т. 268, с. 89.

Вольному обществу нужен был свой печатный орган. Оно пыталось использовать выходящие журналы. В «Северном вестнике» (1805, № 11) была анонимно, под названием «Чувствительное путешествие, из бумаг одного россиянина» и в несколько измененном виде, напечатана глава «Клин» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Одно время Общество пыталось выпускать свои издания — альманах «Свиток муз» (1802—1803), журнал «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804, вышел один номер). И вот в №№ 80 и 83 «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось объявление Брусилова об издании в 1805 г. «Журнала российской словесности». В нём говорилось:

«Главный предмет оного (журнала) есть российская литература. Все новые пьесы в стихах и прозе, достойные уважения, будут помещены в сем журнале.

Издатель, поставляя первейшим долгом угодить почтенной публике и дать некоторое понятие о книгах вновь издаваемых как в России, так и в других землях, сверх новых произведений Российской Музы, известий о новых открытиях и изобретениях в науках и художествах, извлечения мыслей из лучших авторов, занимательных повестей, анекдотов и проч., будет также помещать в сем периодическом издании и рассмотрение книг вновь издаваемых».

Как видим, программа журнала была обширная, и выполнить ее полностью не представлялось, разумеется, никакой возможности. Однако издание выходило регулярно, раз в месяц, было выпущено 12 номеров, составивших три части, снабженные оглавлением. Журнал имел четыре раздела: «Проза», «Стихотворения», «Известия о новых произведениях русской и иностранной литературы и театра» и «Смесь».

В «Журнале российской словесности» приняли горячее участие члены Вольного общества. Печатались И. П. Пнин, А. Е. Измайлов¹⁰, Н. Ф. Остолопов, К. Н. Батюшков, И. Похвиснев, А. П. Бенитцкий, В. Г. Анастасевич, А. А. Писарев, Н. И. Греч — помещая

¹⁰ См.: Ив. Кубасов. Александр Ефимович Измайлов. — «Русская старина», 1900, № 6, с. 561.

главным образом стихотворные произведения¹¹. Печатались переводная проза, в том числе Вольтер и Мерсье, статьи или выдержки из иностранных журналов. Но большая часть прозаических сочинений принадлежала Брусилову, о чем он оговаривался в конце каждой части, так как все работы издателя печатались анонимно.

В своих статьях Брусилов выступал за право всех людей на личную свободу, высказывал глубокое сочувствие угнетенному народу. Он писал о необходимости разумного воспитания молодежи, умственного развития женщины, высмеивал галломанию. Опять писатель уделяет много внимания проблемам критики, положению автора, значению книги в обществе и дает оценку русским писателям XVIII в. и своей эпохи.

В статье «Нечто о критике» (№ 1) Брусилов пишет:

«Критики, помещаемые у нас в журналах, иногда наполнены одними насмешками — есть, однако ж, из них и такие, которые дают сочинителю истинные уроки словесности.

В число сих включить можно некоторые критики „Московского журнала“ и некоторые, помещенные в „Северном вестнике“ (...)» (с. 5, 6).

«Она (критика) должна быть недвусмысленна, ясна и благопристойна. Колкости и насмешки приличны в комедиях, где шутят на общий счет; но критика относится на одно лицо, иногда известное публике, следовательно колкости в критике столь же неизвинительны и также не могут быть терпимы, как и личные комедии» (с. 6).

«Хотя Вольтер и вольнее других в своей критике, хотя и позволяет себе иногда колкие шутки, но они извинительны, ибо относятся не на лицо сочинителя, но на его сочинение» (с. 7).

«Первое достоинство критики есть *беспристрастие*, без оного и самый талант послужит только к большему

¹¹ «... в 1805 году, рядом с «Северным вестником», появилось другое периодическое издание, также орган молодых литературных сил. То был «Журнал российской словесности», основанный Н. П. Брусиловым. Батюшков, не покидая «Северного вестника», печатал свои произведения и в журнале Брусилова и посещал его дом, где собирались молодые литераторы. Сам Брусилов, писатель мало замечательный, был прекрасный человек — благородный, правдивый, чувствительный и добрый товарищ (...)» (Л. Н. Майков. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. — В кн.: Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. I, Спб., 1887, с. 43, 44).

Отъ Издателя.

Въ сей второй части Журнала *Исторія гасовъ, Зеркало Истинны, Новой Мудрецъ, Совѣтъ другу, Перстень, Вопросъ и Сказка Лндоръ и Лиза, или клятва,* писаны мною.

Н. Брусилловъ.

Уведомление издателя
в «Журнале российской словесности»

заблуждению» (с. 7). «Прочеть книгу не один раз, понять цель сочинителя, разобрать оную со всевозможным беспристрастием, показать не одни недостатки, но и совершенства оной, ибо редкая книга может быть дурна и бесполезна во всех отношениях, делать приговор не решительный, но справедливый, употреблять выражения не колкие, но приличные, не смеяться ни на счет сочинителя, ни на счет его книги, но говорить истину; повторим еще раз, что *прочеть* книгу всю, а не *раскрывать* только ее на удачу — и помнить, что лучше одну рассмотреть со вниманием, нежели о ста книгах сказать мнение слегка. Вот правила благоразумной критики, которым может быть не все следуют. Иногда злоречие почитается за остроумную критику» (с. 7, 8).

В «Письме деревенского жителя о воспитании» (№ 1) мы читаем: «Читаю, наблюдаю, замечаю, а иногда от скуки сам мараю бумагу, *не марая* однако же честных людей — я не люблю сатир» (с. 9).

«Я видел некоторых молодых людей, которые любя чтение и читав все, что писано на французском языке, никогда не брали в руки сочинений Ломоносова и даже не стыдятся говорить, что они их не понимают. В лучших обществах везде употребляется язык французский, редкая дама большого света имела понятие о русской словесности прежде эпохи г. Карамзина — он первый начал писать приятно и познакомил любезных дам с русской словесностью» (с. 23).

Печатаемая «Извлечение из сочинений Вольтера» (№ 1), Брусилов поместил такие фрагменты:

«Большая библиотека хороша потому, что она устрашает того, кто придет ее посмотреть. Двести тысяч книг обезоруживают человека, который думает что-нибудь ещё печатать; но, по несчастию, он утешает себя мыслию, что большую часть сих книг никто не читает и что книгу его может быть будут читать. Он сравнивает себя с каплею воды, которая сетовала о том, что была забыта в обширном Океане — Природа сжалилась над нею, и капля превратилась в лучший жемчуг, которому не было подобному на всем Востоке (...). Собиратели, подражатели, комментаторы, переборщики чужих изречений и все те, кои не преклонили на жалость Природы, останутся навсегда каплями» (с. 29).

«Правда, что из сих двухсот тысяч книг сто девяносто девять тысяч ничего не будет читать, по крайней мере от доски до доски; но иногда они нужны для справок.

На множество книг также нельзя жаловаться, как и на множество жителей (...» (с. 30).

Интересно познакомиться также с отрывком из «Письма к приятелю о русском театре» (№ 2):

«Воля ваша, милостивые государи, сколько вы ни хвалите наш просвещенный век, только я думаю, что половины бы книг у нас не было, если бы менее было праздных людей. Человек знает грамоте, нечего ему делать — в таких обстоятельствах он берет бумагу, перо, и — готова книга. Чрез неделю ее напечатано уже тысяча экземпляров, лучшими литерами, на тонкой бумаге, случается, что бедный сочинитель продает иногда последний кафтан, пишет превеликолепное объявление в газетах будто от имени книгопродавца (из которых благодаря не-

вежеству половина не умеет читать) и, что всего смешнее, находит в книге своей тонкий вкус, острые мысли, плавный слог, обильное воображение, говорит, что книга его по своей занимательности ни мало не уступает никакому сочинению в мире, еще вперед ручается, что читатели его будут восхищены, тронуты — и чтоб придать более учености сему объявлению, то себя называет *Автором*, *Редактором*, а подписавшихся *Субскрибентами* и *Пренумерантами* — и все это для того, чтобы более разбирали книгу. Люди, которые судят о книгах по газетным объявлениям (а у нас таких людей еще немало!), почитают книгу сию за редкость, жертвуют рублем и за этот рубль получают вздор, недостойный внимания. Вот обман, который остается без всякого наказания. Человек благонамеренный, видя тучи печатных книг, беспокоящих честных людей, принимается издавать критический журнал, дабы хоть мало обуздать сию ученую челядь — но что же? тысячи невежд восстают против него, бранят, терзают и — он же останется в дураках!» (с. 73, 74).

Далее в «Письме к приятелю о русском театре» Брусилов вновь обращается к оценке критики и высказывает мысль, что следует устроить театр для народа.

Фантастическое «Путешествие в храм Вкуса» в юмористической форме оценивает деятельность современных бездарных литераторов и отдает должное творчеству выдающихся русских мастеров словесного искусства:

«Тут толпа писателей, старых и молодых, известных и неизвестных, стучались в дверь и просили Критику пустить их в храм. Иной нес математический роман, иной академическую речь, тот метафизическую комедию, тот держал собрание своих стихотворений, напечатанных без его имени с предлинным предисловием. — Пустите, господа! пустите, — кричал сипловатый голос, — я тот беспристрастный судия талантов, который судит и осуждает все, что люди хвалят, — пустите меня в храм. — Мой друг, — сказала Критика, — верно, что ты великий человек, но я тебя не пущу в храм. Ты пришел опорочивать бога Вкуса, будь доволен и тем, что ты его не знаешь» (с. 134).

«Недалеко от бога Вкуса сидел российский Пиндар *Ломоносов* (...). В другой стороне сидел *Сумароков*. (...) Подле него сидел *Хемницер* (...). Грации подносили ро-

зовый венок *Творцу Душеньки* (...). Гений России венчал великого певца *Россияды*. (...) Там Мельпомена (...) вела в храм *Княжнина* (...). Талия с коварной умешкой несла в храм Вкуса *Недоросля* и *Бригадира* (...). *Аглая*, *Лиза*, *Марфа Посадница* и прочие творения писателя, сделавшего славнейшую эпоху в русской словесности, писателя столь сильно, убедительно говорящего человеческому сердцу, несмотря на все усилия завистников, старавшихся очернить истинный талант, лежали на жертвеннике Вкуса. Беспристрастная критика отдавала им должную справедливость...» (с. 135—137).

Помимо работ «Письмо к издателю» (№ 3), «Путешествие на остров Подлецов» (№ 4) и других Брусилев опубликовал свои художественные произведения: «История часов», «Перстень», «Линдор и Лиза», «История бедной Марии». При всей талантливости публицистических сочинений Николая Петровича, в них заметно влияние Вольтера, а в художественных — Карамзина.

В № 7 журнала была опубликована интересная статья «Камознс, творец Лузияды» — перевод с немецкого. Для последних номеров Брусилев написал «Похвальное слово собаке» и «Сатирические ведомости».

«Журнал российской словесности» был с одобрением принят передовой частью русской интеллигенции и вызвал отрицательные отзывы в консервативных кругах. И в наше время дается высокая оценка изданию Брусилова:

«„Журнал российской словесности“ — единственное в начале XIX в. периодическое издание, в котором сатирические материалы печатались не от случая к случаю, а регулярно. В них оживали традиции русской сатирической журналистики XVIII в. — литературный опыт Сумарокова, Новикова, Фонвизина»¹².

Однако издательская работа оказалась непростой. Некоторая мнительность и обидчивость характера Брусилова ставили его иногда в трудное положение при общении с авторами. Ему пришлось даже выступить против самого Державина.

Приступая к выпуску журнала, Брусилев обратился к знаменитому автору «Оды к Фелице» с просьбой высту-

¹² История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973, с. 112.

пить на его страницах. По этому поводу Державин писал Д. И. Хвостову, одному из издателей «Друга просвещения»:

«Но должен признаться, что не мог отговориться от некоторого петербургского журналиста и, собрав некоторую мелочь, по лоскутам у меня валяющуюся, отдал ему (...)»¹³.

Трудно сказать, что именно обидело Брусилова, но он поместил в своем журнале эпиграмму на Державина:

Проходит слава царств, и царства исчезают!
Пальмира гордая, где ты?.. Увы! не знают!
И Александров гроб и город разрушен,
В котором царь земли был погребен.
Героев град забыт, забыт и с их делами —
А ты жить в вечности с великими мужами,
Тромпетин! захотел стихами!

Тромпетин — одно из действующих лиц комедии Княжнина «Чудаки».

Державин был возмущен. Евгений Болховитинов, составлявший словарь писателей, заехал к поэту и 22 августа писал к Хвостову:

«Он (Державин) препоручил мне переслать к вашему сиятельству прилагаемую при сем его эпиграмму в ответ зоилу Брусилову, напечатавшему в мае месяце (...) презрительную на него эпиграмму. Но не велел Гаврила Ром. (анович) подписывать под сим ответом имени его. Всяк узнает сочинителя»¹⁴.

Ответная эпиграмма Державина появилась в «Друге просвещения»¹⁵:

Трубит Тромпетин во тропету:
Его глас вторят холм и дол;
Булавкин колет жалом в мету,
Но чуть слышна булавки боль.
Блистали царства — и их нету;
Живёт в стихах своих Пиндар;
Толпятся мошки солнца к свету;
Но дунет ветр — и где комар?

Если к лету деятельность Вольного общества была в расцвете, то в сентябре его ожидал серьезный удар.

¹³ Г. Р. Державин. Сочинения. Т. VI, Спб., 1871, с. 168, 169.

¹⁴ Там же, т. VIII, Спб., 1880, с. 890.

¹⁵ Впоследствии автор несколько изменил стихи.

Недавно (15 июля) избранный президентом Общества Пнин неожиданно умер (17 сентября), что расстроило ряды его товарищей. На общем собрании, посвященном памяти скончавшегося, с речью выступил Брусилов. В следующем номере журнала он поместил свою статью «О Пнине и его сочинениях» и стихотворения памяти автора «Опыта о просвещении относительно к России». В дальнейшем Общество стало постепенно переходить на консервативные позиции, особенно после избрания в 1807 г. президентом Д. И. Языкова.

Материальные и моральные трудности заставили Брусилова прекратить издание «Журнала российской словесности». В последнем номере за 1805 г. в обращении «К читателям сего журнала» издатель писал: «С сею книжкою кончится „Журнал российской словесности“ — обстоятельства лишают меня удовольствия продолжать опыт на будущий год».

Так совершилось очередное превращение Брусилова — он прожил еще сорок четыре года и ни разу не обратился к журналистской деятельности, не написал ни одного эссе, ни одного сатирического произведения.

В последующие годы он увлекается театральным искусством: «В это время я был страстным любителем театра и бывал в спектакле почти всякий день»¹⁶. Продолжает служебную деятельность, в 1808 г. получает назначение в канцелярию «статс-секретаря у принятия прошений» на имя императора под начальством П. С. Молчанова. На этой должности он оставался до 1820 г.

Ж У Р Н А Л Ъ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Октябрь, 1805.

№ 10.

I.

О Пнине и его сочиненіяхъ.

Неумолима смерть махнула страшною косою — и въ міръ не стало одного добраго человека!... Поэтъ любезный, другъ искренній, защитникъ угнѣбленныхъ, увидѣиша всѣхъ смертныхъ, Пинъ, скончался прошедшаго Сентября 17 числа, между 10 и 11 часовъ по полудни. Друзья и любители вѣчнаго, прощали со слезами грѣбъ Паша-Философа.....

Ежели смерть есть неизбѣжный ударъ людей, то мы должны ропсать Часть III. 3

*Начало статьи
«О Пнине и его сочиненияхъ»*

¹⁶ «Воспоминания Н. П. Брусилова», с. 65.

Современники Брусилова оставили воспоминания о встречах с ним. Вот что писал Н. И. Греч:

«(...) Я решился испытать счастья в другом месте и послал две статьи (это были разборы синоним) к Николаю Петровичу Брусилову, который тогда издавал *Журнал российской словесности*. Он не только напечатал их, но и прибавил к ним приветливый отзыв. Кто был счастливее меня! — Варвары! — думал я: — будет и на моей улице праздник.— По этому случаю познакомился я с Н. П. Брусиловым и находил у него приятное общество В. М. Федорова, К. Н. Батюшкова, Н. Ф. Остолопова, А. Е. Измайлова, И. П. Пнина»¹⁷.

А вот что внес в свои записи 27 марта 1807 г. С. П. Жихарев, рассказывая о встрече у И. А. Соколова с автором «Безделок»:

«Я воспользовался этим промежутком времени, чтобы познакомиться с Брусиловым. Зная, что он литератор, много писал и переводил, два года назад издавал „Журнал российской словесности“ и почитается одним из деятельных членов Общества любителей словесности, наук и художеств, я было заговорил с ним о литературе, но он не благоволил обратить на меня большого внимания и отвечал мне очень холодно и сухо, как бы нехотя. „Ну, бог с тобой,— подумал я!— если ты такой дикарь! Кажется, много кичиться тебе еще нечем: твои „Безделки“, „Приключения одного дня“, „Гваделупский житель“, „Бедный Леандр“ и „Превратности судьбы“ не бог знает еще какие заслуги, которые бы давали тебе право поднимать нос и без того уже вздернутый кверху»¹⁸.

К последней фразе Жихарев впоследствии сделал примечание:

«Автор „Дневника“ раскаивается в тогдашнем своем заблуждении. Он служил после с Николаем Петровичем Брусиловым в одном ведомстве в продолжение 4-х лет и имел случай узнать его короче. Это был человек отличный во всех отношениях: благороден, правдив, чувствителен и добрый товарищ. Единственными недостатками его характера была какая-то недоверчивость к самому себе и

¹⁷ Н. Греч. Воспоминания юности.— «Новогодник». Собрание сочинений, в прозе и стихах, современных русских писателей. Изданный Н. Кукольником. Спб., 1839, с. 231, 232.

¹⁸ С. П. Жихарев. Записки. М., 1890, с. 366.

подозрительность по отношению к другим. От этого он дичился общества и избегал новых знакомств. Впоследствии необходимые сношения по службе заставили его быть сообщительнее, а во время губернаторства своего в Вологде, и особенно под конец жизни, он сделался совсем другим человеком»¹⁹.

В начале 1810-х гг. обнаружилось, что оставив навсегда литературные занятия, Брусиллов обратился к научной работе. В «Вестнике Европы» появились две его статьи: «Историческое рассуждение о начале русского государства» (1811, № 4) и «О древней русской монете» (1812, № 11). Таким образом, его интересы обратились к древней русской истории. Брусиллов был избран действительным членом Общества истории и древностей российских, но следующие его работы появились очень нескоро в «Записках и трудах Общества истории и древностей российских» (1824, ч. II) — это были «Догадки о причине нашествия норманнов на славян» и «Описание древнерусских монет». Больше Брусиллов ни к истории, ни к нумизматике не обращался. Таково было следующее превращение.

В 1820 г. Брусиллов был назначен гражданским губернатором Вологды, где оставался до 1834 г. Там ему пришлось бороться с холерой, от которой умерла его жена Катерина Лонгиновна (урождённая Гофман)²⁰. Он пользовался уважением жителей Вологды²¹, предпринимал шаги по благоустройству города²². В конце 20-х гг. в Вологде побывала археологическая экспедиция, направлявшаяся в Тотемский и Никольский уезды, приезжал руководитель археологической экспедиции П. М. Строев для изучения древних архивов, хранившихся в Софийском соборе, церквях и монастырях Вологодской губернии.

Казалось, труды и дни Брусиллова на посту губернатора шли тихо и незаметно. И лишь в 1833 г. стало известно, что он претерпел еще одно превращение — стал спе-

¹⁹ С. П. Жихарев. Записки. М., 1890, с. 366.

²⁰ См.: Ф. Фортунатов. Памятные записки вологжанина. — «Русский архив», 1867, № 12, стб. 1670—1692.

²¹ См.: А. В. Арсеньев. Преосвященный полонофил. — «Русская старина», 1894, № 3, с. 219.

²² См.: Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Составил Н. К. Степановский. Вологда, 1890, с. 314; Летопись города Вологды. Вологда, 1963, с. 28.

циалистом по статистике, работавшим ряд лет над описанием вверенного ему края. С разрешения Академии наук вышел из печати «Опыт описания Вологодской губернии». Эта работа отличалась точностью, подробным изучением природы и быта. В книге описывались воды губернии, местоположение и качество почвы, климат, растительные культуры, животные, были даны подробные сведения о жителях, промыслах, о городах и уездах. К труду были приложены две статистические таблицы.

Вот как описывал исследователь ремесла: «Между мастерствами устюжскими примечательна черневая работа на серебре. Работа сия на позолоченной поверхности весьма хороша; но по недостатку правильности рисунка груба, впрочем сделанные вещи даже в самом Устюге продаются весьма высокою ценою. Между прочими художниками, коих в Устюге довольно число, преимуществуют иконописцы. Есть также отменные пред другими местами слесари, которые с особенным искусством обивают разные коробки белым гладким и просеченным железом с особенного рода замками» (с. 35).

Интересна глава «Сведения о половниках». Половники — это крестьяне, имевшие право переходить с земель одного владельца на земли другого или же возвращаться в черносошные волости. Они обрабатывали землю по добровольному желанию и получали половину продукта.

Завершалась книга «Сведениями о зырянах» и «Общим замечанием о Вологодской губернии». Это было интересное и полезное исследование, не потерявшее в некоторой степени историко-познавательного значения и теперь. «Опыт» получил лестный отзыв на страницах «Северной пчелы» (1834, № 136), и автор был избран почетным членом Академии наук.

Казалось, это было последнее превращение Брусилова. В 1834 г. он вышел в отставку, упаковал все свое значительное книжное собрание и переехал с ним в Петербург. Брусилов умер 27 апреля 1849 г.²³ и был похоронен на Митрофаниевском кладбище. В газете «Северная пчела» появились некролог и список трудов

²³ В указанные даты смерти писателя в «Словарь» С. А. Венгерова и «Петербургский некрополь» В. Саитова вкрались ошибки или опечатки.

писателя (1849, №№ 94, 101) — и казалось, его забыли навсегда. А вспоминая, начали путать с Н. И. Брусиловым²⁴.

Но в 1892 г. в редакцию «Исторического вестника» пришла Анна Егоровна Краснораменская и передала сотрудникам небольшую тетрадку в четверку — это были написанные рукой Брусилова воспоминания о его жизни, завершённые 12 декабря 1848 г. Так оказалось, что незадолго до кончины Брусилов превратился в талантливого мемуариста и донес до потомков сведения, представляющие большой интерес для историков и литературоведов.

И после публикации его «Воспоминаний» многие исследователи оставались в неведении о деятельности писателя. Булич, например, писал:

«Кто был этот Брусилов, неизвестно: о нем кроме того, что он был дружен с Пниным и был членом литературного общества, мы ничего не знаем. Видно, что в литературе он был человек случайный, и имя его потом исчезает совершенно без следа»²⁵.

Да, Брусилов не оставил литературных произведений, которые привлекут современного читателя. Но для историков литературы они не должны оставаться забытыми. А библиофилам эти маленькие книжечки будут интересны не только своей редкостью. В сочинениях Николая Петровича Брусилова они найдут для себя много любопытного.

²⁴ См., напр., «Сочинения» Г. Р. Державина. Т. VI, Спб., 1871, с. 93 (ошибка Я. К. Грота) и «Справочный словарь» Г. Н. Геннади.

²⁵ Н. Н. Булич. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Т. I, Спб., 1902, с. 103.